

ЧИМИЗА ЛАМАЖАА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ТУВИНЦЕВ

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2018

УДК 316
ББК 60.59
Л21

Л21 Ламажаа Ч. К.

Национальный характер тувинцев. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. — 240 с.

ISBN 978-5-4469-1406-7

В монографии представлен социально-философский подход к проблеме национального характера. Национальный характер тувинцев описан с разных точек зрения, в исторической ретроспективе и в его современном понимании. Учтены материалы произведений художественной литературы о тувинцах, научные исследования историков, этнографов, культурологов, психологов, педагогов, а также сообщения средств массовой информации. Приводятся обобщающие характеристики национального характера родственных народов — кочевников Центральной Азии.

Для научных работников, учащихся, всех, интересующихся вопросами этнокультурного своеобразия народов России и регионов Центральной Азии.

**УДК 316
ББК 60.59**

ISBN 978-5-4469-1406-7

9 785446 914067

© Ч. К. Ламажаа, 2018
© Издательство «Нестор-История», 2018

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Тувинцы в фольклоре и национальной литературе.....	18
Глава 2. Тувинцы глазами путешественников XIX — начала XX в.	41
Глава 3. Тувинцы в исследованиях ученых XX в.	55
Глава 4. Резкая континентальность тувинцев.....	79
Глава 5. Национальный характер кочевников Центральной Азии.....	98
Глава 6. Тувинцы и другие.....	118
Глава 7. Тувинцы в политике.....	135
Глава 8. Модернизация и тувинцы	154
Заключение	175
Список литературы	179
Приложение	194

Введение

Тувинцы — представители кочевого народа, проживающие в географическом центре азиатского материка, в Республике Тыва (Туве). Тува входит в состав России и граничит с такими регионами, как Алтай, Хакасия, Красноярский край, Иркутская область, Бурятия, а с юга — Монголия.

Для тувинцев, как и для представителей любого народа, вопрос самоидентификации — представления о том, кто они и какие они, — также продолжает оставаться очень важным. Особенно сегодня, когда народы пытаются сохранить самих себя в быстро меняющемся мире, когда западная культура стремительно завоевывает сердца подрастающего поколения всего мира, когда этносам надо не просто сохранять, но и развивать свою культуру, свою уникальность.

Когда говорят об уникальности, об особых чертах, часто речь заходит о национальном характере.

«...Национальный характер? Его не существует!» — категорически отрезала как-то в разговоре со мной моя старшая коллега, доктор наук, которая специализируется на изучении этнических особенностей общественной жизни. «Нет общего национального характера, ни тувинского, ни русского, ни какого-либо другого, а есть люди, берущие или лучшее, или худшее из копилки общечеловеческого опыта», — это мнение знакомого журналиста из Тувы. Это суждения категорического отрицания, которые можно часто встретить в среде и ученых, и тех, кто не занимается наукой, но имеет порой не менее верные знания о человеке и обществе.

Национальный характер — один из самых противоречивых терминов для ученых и для широкой общественности. Мнений по поводу него много, но главные позиции здесь диаметрально противоположны: или он есть, или его нет. «Национальный характер — миф или реальность» — так был поставлен вопрос известным отечественным ученым И. С. Коном еще в 1968 г., когда впервые были сопоставлены эти две крайние точки зрения¹.

¹ *Кон И. С.* Национальный характер — миф или реальность? // Иностранная литература. 1968. № 9. С. 223–228.

Я уже упомянула примеры суждений противников. Для них национальный характер — миф, химера, воображаемый конструкт, нечто, не поддающееся анализу, потому что понимается как «некоторая неизменная сущность, свойственная всем людям определенной нации, отличающая их от всех других этнических групп и незримо определяющая их социальное поведение»². Тогда, с научной точки зрения, действительно это миф, как утверждал И. С. Кон.

Но о чем же тогда говорили, писали, дискутировали мыслители с древности и чем занимаются сегодня? Ведь среди первых, кто пытался осознать отличительные черты народов, называют древнегреческих мыслителей: Геродота (V в. до н. э.), Платона (V–IV вв. до н. э.), Аристотеля (IV в. до н. э.), с изучения идей которых начинается образование практически любого современного человека. Вся история человеческой мысли, доступной нам по источникам, полна сочинений о нравах народов, о национальных особенностях, обобщающих трудов или разрозненных путевых записей. И традиция обсуждения этого «мифа» дошла до современности.

Если подойти количественно, то о чем говорят эти современные объемы информации, литературы по теме национальных характеров, доступные сейчас каждому читателю — более 400 тыс. книг, статей, учебников (в целом и по отдельным народам) на разных языках, которые, например, насчитывает сегодня Российская государственная библиотека; 18 млн источников в современном Рунете по ключевой фразе «национальный характер», по данным Яндексa, на март 2018 г.; более 4 миллионов научных публикаций на английском языке, обсуждающих *national character* или *national nature*, по данным Google Scholar, электронной базы научных публикаций Google? В каталогах защищенных в последние годы в России диссертаций кандидатских и докторских мы можем насчитать 148 тыс. (!) диссертационных исследований по теме национального характера. Массовое заблуждение?

Разумеется, нет. Как писал И. С. Кон, правы обе стороны: национальный характер — это и миф, и объективная реальность. Пояснял он это тем, что социально-политические мифы (каковым можно считать представления о национальном характере) сами по себе уже представляют собой реальность, так как отражают представления

² Там же. С. 228.

об исторически совместно развивавшихся психологических чертах, о групповом сознании представителей одной общности.

Сами масштабы непрекращающихся дискуссий — в обществе и в науке — о национальном характере прежде всего говорят нам о том, что тема не оставляет людей равнодушными. Эта тема нужна, важна, обсуждать ее не перестанут. И поэтому свою лепту в нее обязаны внести в первую очередь философы — те, кто специально занимается вопросами самопознания.

Уточняя свою позицию по этому вопросу в дальнейшем, я подробно и обстоятельно обращусь к теме национального характера тувинцев, поскольку вопрос авторства суждений здесь очень важен.

В первую очередь важно то, что люди, активно используя данный термин, пытаются понять специфичность — свою, чужую; пытаются осознать отличие друг от друга как представители разных культур. На этом основывались и самые первые в истории сочинения, исторические трактаты, на этом строились не просто размышления, но даже теории народов, культур. И вопрос этот важен, универсален для человека, так же как и другие философские, мировоззренческие вопросы.

В центре же современных ожесточенных споров оказывается содержание понятия «национальный характер», его составных частей («национальный» и «характер»). Поэтому необходимо разоб-
раться эти слова.

Слово «национальный» встает в один ряд с понятиями «этнос», «этническое», «нация», «национальность» и, соответственно, активно обсуждается этнографами, этнологами, антропологами. Оно трактуется по-разному, в зависимости от того, как каждый конкретный автор понимает суть этих понятий и взаимосвязи между ними.

Например, одни специалисты понимают «национальный» как национально-государственный, подразумевая в основе термин «нация» (от латинского *natio* — племя, народ) и социокультурную общность (в том числе народов), образовавшую государство. В этом случае или допускается перенесение обсуждения о национальном характере на всю эту социокультурную общность, общество (английский национальный характер, японский национальный характер и пр.), или вовсе отрицается наличие национального характера, поскольку часто в реальности государствообразующая общность

настолько мультикультурна, многонациональна, что какой-то особый национальный характер здесь можно увидеть лишь с огромной натяжкой и скорее всего не слишком искушенным взглядом иностранцев (например американский национальный характер и пр.). К слову, мы, жители России, практически не говорим о «российском национальном характере», но для иностранцев это может быть темой для обсуждений, тем более что в английском языке *Russian* — «российский» синонимичен «русскому», плюс важно понимать, что процентное соотношение русских в национальном составе населения — более 80% и русская культура для российского общества — действительно формирующая...

Другие же авторы могут подразумевать под словом «национальный» вопрос принадлежности к национальности, к этносу. Тогда поднимаются другие вопросы, не государственного плана, а именно этнического и культурного, связанного с конкретным этносом, народом, национальностью.

Вторая большая проблема связана с термином «характер», который восходит к соответствующему греческому термину *charakter* — знак, отпечаток, признак, отличительная черта. История его бытования в языках, в том числе русском, так извилиста, что не могла не наложить отпечаток на его современную многозначность. Характер считают и определенным складом личности с набором черт, и просто определенной чертой, и структурой мотивов, и ценностными ориентациями, и даже инстинктивными стремлениями. Сегодня характер — прежде всего объект исследований психологии, поскольку связывается с психическими состояниями и актами.

Именно поэтому сфера изучения национального характера имеет свою нишу, прежде всего в психологии, где называется этнической психологией. Здесь сконцентрировано больше всего исследований именно национального характера (изучение факторов и источников формирования национально-психологических особенностей представителей конкретных этнических общностей; специфики мотивационных и других качеств, например инициативности, бережливости, пунктуальности и т. д., особенности эмоционального поведения, своеобразия коммуникативных связей, сравнительные исследования этнопсихологических особенностей разных народов и многое другое). Изучение национального

характера представителями этнической психологии производится в традициях современной опытной науки, когда используются инструменты: конкретные методики, измерители, показатели и пр.

Поскольку в гуманитарных науках разные дисциплины и специалисты с разных точек зрения по-разному могут изучать один и тот же объект (человека, особенности его деятельности, его активность, условия, группы людей, общество, общественные связи), то и национальный характер прямо или косвенно — именно в формулировке «*национальный характер*» или в иных, близких, синонимичных, родственных терминах — входит в поле их внимания.

Помимо психологов тема национального характера обсуждается разными специалистами. Социологи, изучая социальную идентичность, отвечают на вопрос: «Каковы общие представления о себе людей как членов тех или иных социальных групп?» Культурологи, антропологи, этнографы анализируют ментальность культуры, этническую идентичность сквозь призму вопросов: «Каковы общие представления о мире, сформированные в одной культуре? Как представители этнических общностей относят себя к своему этносу, как относятся к другим этносам?» Филологи, изучая особенности языков народов, письменности, литературы, восстанавливают культурные особенности через языковые выражения, формы. Философы анализируют взаимосвязи между культурными установками и общими представлениями, конструируют результаты рефлексии представителей разных этнических культур о себе и других.

Данная работа посвящена философским воззрениям на тему национального характера. Тем не менее я буду опираться на данные и других гуманитарных наук, которые позволят полнее раскрыть тот или иной аспект темы.

Современные философы — те, которые признают реальность национального характера и возможности его изучения, — также смотрят на предмет по-разному. Например, Н.А. Моисеева называет национальный характер «философской категорией, выражающей синтез этнического и социального в развитии общества как целостной системы, отражающей процесс объективации константных свойств менталитета в социокультурные ценности»³. А. Крахер

³ *Моисеева Н.А.* Национальный характер как проблема социально-философского характера: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2012. С. 17.

трактует национальный характер как «биоэтносоциокультурный феномен, формирующийся под влиянием множества факторов природного, социального, исторического и аксиологического (преимущественно нормативного) характера»⁴; и в национальном характере, по мнению автора, «существуют по меньшей мере две системы ценностей, к одной из них относятся базовые, к другой — инструментальные ценности. Граница между ними открыта и подвижна...»⁵. В. К. Трофимов, например, использует термин «национальный менталитет», который по сути очень близок к обсуждаемому нами предмету, и определяет его как «диалектическое единство сущности и явления, где сущность есть этнически окрашенные коллективные представления о мире, доминирующие у членов нации, а явление — особенности деятельности народов, а также их отражение в продуктах материальной и духовной культуры»⁶.

В приведенных определениях мы отчетливо видим, что философы прежде всего рассматривают национальный характер как социальное явление — то, что создано обществом и в результате общественных связей, и видят в национальном характере системное свойство, т. е. некую целостность взаимосвязанных элементов. Таким образом, это социально-философский подход. При этом исследователи придерживаются традиции классической науки, когда сами они выводят себя за рамки исследования. Они примеряют на себя роль наблюдателя, стремящегося к получению знания объективного, незамутненного никакими субъективными проявлениями.

Мы опираемся на концепцию В. С. Степина о типах научной рациональности⁷. Как пишет философ, в историческом развитии науки с XVII столетия возникли три типа научной рациональности и соответственно три крупных этапа эволюции науки: классическая наука, неклассическая и постнеклассическая наука.

⁴ Крахер А. Познавательные возможности категории «национальный характер» в этнокультурных исследованиях: Дис. ... д-ра филос. наук. М., 1999. С. 19–20.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Трофимов В. К. Истоки и сущность русского национального менталитета: Социально-философский аспект: Дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2000. С. 14.

⁷ Степин В. С. Теоретическое знание: структура и историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Каждый этап характеризуется особым состоянием научной деятельности, направленной на постоянный рост объективно-истинного знания. Особенности каждого этапа различаются философами сквозь призму соотношения «субъект — средства — объект». Классический тип научной рациональности стремится при теоретическом объяснении и описании объекта отбросить всё, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности, чтобы получить «чистое», объективно истинное научное знание. Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Но сами эти связи по-прежнему не являются предметом научной рефлексии. Постнеклассический тип рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью, учитывая соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Субъект познания вступает с объектом изучения в ценностно-деятельностное взаимодействие. Философ культуры не может полностью отказаться от своей субъективности, от своей этнокультурной принадлежности; как не может отказаться от социальных условий, в которых работает: он может и должен постигать культуру, понимая и свое место, и свои цели, в том числе гражданские, — способствовать научной деятельностью развитию культуры, к которой он принадлежит. Именно этот последний тип научной рациональности подразумевается нами в данной работе: автор осознает как свою субъективность, так и определенные цели, с которыми решается проблема национального характера, собственная личностная, гражданская позиция. Этому соответствует подбор раскрываемых аспектов темы, соответствующих разделам.

Национальный характер может рассматриваться как явление объективной реальности в виде комплекса представлений людей о самих себе как о представителях одной этнической общности, о своем месте в мире, о том, что этнос может и хочет от жизни, от этого мира, как он соотносится с другими этносами. Такое представление о национальном характере, например, излагается в работе отечественного автора — К. Касьяновой «О русском национальном характере»⁸.

⁸ Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.

Данная трактовка национального характера вплотную приближает нас к теме духовной культуры, менталитета, картины мира. При этом наша теоретико-методологическая позиция позволяет развивать проблему самоосмысления людьми своего общего места, особенностей связей с другими общностями, своего предназначения в большом социальном окружении, вариативности развития культуры и общества, влияния научно-исследовательской деятельности на социальные процессы.

В самых общих чертах *национальный характер* в нашей работе — это совокупность типичных для представителей конкретной этнической культуры способов восприятия окружающего социального мира, взаимодействия с ним, общепризнанных черт темперамента, особенностей поведения, которые выражаются в образах, представлениях, стереотипах, установках, убеждениях. Это действительно своеобразный социально-политический, культурный миф, о чем писал И. С. Кон, но тем не менее он является объективной реальностью, будучи признан и обсуждаем значительным числом людей. Люди наблюдают почти неуловимую, неизмеримую, но явственную специфичность представителей разных этнических культур, их отличия друг от друга в целом ряде реакций, манере поведения. Они понимают, чувствуют эту специфичность и пытаются обозначить, сформулировать, передать. Для философии эта человеческая потребность также становится задачей для рефлексии — осмысления себя, своей активности, своей культурной принадлежности, отличительности.

В слове «национальный» в этой работе за основу я беру термин «национальность» как принадлежность человека к конкретной этнической культуре, т. е. в моей трактовке нет расширенного понимания (до «национально-государственной» общности). «Характер» здесь имеет расширительное понимание, включающее не только психические проявления, но и этнокультурные особенности, выраженные в человеческой активности. При этом подчеркну, что речь идет о *представлениях*, которые созданы человеком в попытке осознать себя и свое окружение, которые бытуют в общественном сознании и которые могут различаться в зависимости от принадлежности человека к этнической культуре, от уровня образованности, от общего мировосприятия, даже от профессиональной деятельности.

Раз мы говорим о представлениях о национальном характере и его элементах, то, безусловно, мы должны учитывать положение носителя этих представлений: находится ли он внутри этой этнической культуры, т. е. является ее носителем, создателем, или находится за ее пределами, будучи носителем иной этнической культуры, но имеющим определенные знания об этой культуре. Пытаясь постичь национальный характер, его суть, его особенности, мы — наблюдатели, исследователи — не должны исключать себя из этого явления. Наша субъективность так или иначе должна непременно учитываться. Можно быть русским и понимать русских, размышлять о качествах русского национального характера, сравнивать их с качествами других народов. А можно быть англичанином и пытаться понять, объяснить русский национальный характер, но, разумеется, уже с позиции своей английской культуры, также с помощью сравнений. Мнение и того, и другого позволяет нам получить общую картину русского национального характера как «изнутри», так и «извне». И мнения эти будут равноценны, поскольку позволяют рассматривать эту «систему» со всех сторон.

Отметим еще один важный ракурс для всестороннего рассмотрения национального характера: способ постижения — эмоционально-чувственный или рациональный.

Значительная масса наблюдений о национальном характере того или иного народа в истории была сделана писателями — теми, кто мыслит художественными образами, кто пытается передать чувства, ощущения. И надо сказать, что этот способ считается не менее важным, чем рациональный, выстраиваемый на основе логики, с помощью интеллекта, поскольку и тот, и другой продуцируются человеческим разумом. И тот, и другой способны в равной мере приблизиться к постижению сути явлений. Поэт может образами, но тем не менее очень точно выразить впечатления о человеке как типичном представителе своего народа. Это прекрасно знают филологи-литературоведы, поскольку в филологической науке развивается целая отрасль исследований, посвященная описаниям национального характера в творчестве того или иного писателя, поэта.

Помимо авторского творчества важное место в этом ряду занимает устное народное творчество — фольклор, в котором также до-

статочного много описаний типичных качеств, которыми, по мнению его создателей (в данном случае обобщенных народных стереотипов), обладают представители того или иного народа.

Особое место в этом ряду творцов занимают философы, делающие упор на рефлексивном постижении той или иной культуры, что сближает их с рядом создателей художественных образов. В качестве примера назовем известного русского философа XIX–XX вв. Н. А. Бердяева, чьи описания русского национального характера полны эмоционально-чувственного постижения России и русской культуры, представителей русского народа («вечно бабье в русской душе»; «сочетание бездонной глубины и необъятной выси»; «жажда абсолютной свободы и рабья покорность» и пр.), а сама соответствующая работа философа носит название «Душа России» (1915)⁹. Без преувеличения можно сказать, что эта бердяевская книга является настольной для всех, кто интересуется тем, что такое русский национальный характер, включая ученых.

Говоря об описаниях, следует также вспомнить о той группе источников, помимо фольклора и художественной литературы, в которой можно найти сведения о тех или иных чертах национального характера, — это путевые заметки, наблюдения, публицистика. В такой литературе, которая выходит из-под пера путешественников, журналистов, можно найти и эмоционально-чувственные образы, и весьма точные рациональные определения.

Активно используя в качестве синонима «национальному» — «этническое», остановимся на одном важном вопросе — о сути этнического.

В самых общих чертах в науке присутствуют три основные точки зрения. Ученые, которые считают, что этнос — это изначальное объединение людей «по крови», что этнические свойства имеют генетическое происхождение, называются примордиалистами, а само направление в науке — примордиализмом (от латинского слова *primordial* — изначальный).

Примордиалистам противостоят два других направления: инструменталисты и конструктивисты (оба отрицающие изначальность этнического). Первые считают, что этничность, принадлежность людей к этносам представляет собой инструмент, когда

⁹ Бердяев Н. А. Душа России. М.: Типография г-ва И. Д. Сытина, 1915.

люди, выбирая конкретный этнос, обозначая свою принадлежность к нему, называя себя его представителями, преследуют определенные цели (политические, экономические и пр.). И, наконец, конструктивисты понимают этнос и этническое как некий искусственный конструкт, который создается определенными людьми, элитой (политической, культурной) для формирования и поддержания конкретной социальной общности.

В этой связи важно уточнить, что я понимаю под этническим (национальным), в данном случае — тувинским. Все три выше-означенные позиции представляются радикальными. Признать этнические особенности изначальными, биологическими — значит поставить под сомнение известные факты культуры и истории, связанные с этнической самоидентификацией, с культурной социализацией, отбросить возможности человеческого сознания и его развития, значение роли окружающей среды. Маленький ребенок, родившийся у родителей, скажем, монголов, не имеющий представления о том, кто он и к какому народу он принадлежит, может в силу обстоятельств оказаться в семье тувинцев, в тувинской культурной среде. И он вырастет, осознавая себя тувинцем, говоря на тувинском языке, и для него монголы будут иным народом. В семье с тувинкой у них родятся дети, которые вырастут, понимая себя как тувинцев и тем самым продолжая линию преемственности тувинских традиций, культуры. С помощью исследований генов этого монгола, вероятно, мы можем уточнить его генетическую близость к представителям монгольского этноса (а такие особенности генетика исследует в таком разделе своей науки, как этногеномика), однако это может и не отразиться на собственных представлениях человека — он будет себя считать тувинцем, а не монголом, он будет носителем и дальнейшим транслятором тувинской этнической культуры.

Но отрицая в целом позицию примордиалистов, надо понимать, что речь не идет и о признании инструменталистского отношения к выбору людьми этноса: выбора как такового часто не бывает, поскольку следует учитывать особенности социализации. Когда ребенка окружает определенная этническая культура (обычаи, традиции, язык) с самого младенчества, то он вырастает, «впитывая» всё это, откладывая в своей памяти именно эти этнические особен-

ности, понимая свои детские воспоминания о ритуалах, традициях в качестве изначального, единственно правильного представления о мире. И этот выбор культуры для него предопределен его семьей, социальной средой, в которой он растет.

Здесь мы подходим к идеям конструктивистов, которые считают этносы и этническую культуру в целом — социальными конструктами, тем, что создано, «сконструировано» человеком на уровне самоидентификации (представлений о своей принадлежности). Они полагают, что представления о принадлежности к этносу, будучи внушенными, могут быть управляемыми. Их можно корректировать и даже «стирать» из памяти общества. В том числе для решения политических задач формирования, поддержания общности, скажем, граждан одного большого государства. Однако полное принятие такой позиции может привести не только к отрицанию того, что всемирная история состоит из истории этносов, народов как объективной стороны человеческой истории, но и к убеждениям о том, что возможно нивелировать, «стирать» в принципе этносы...

Поэтому я полагаю, что понимание этнического, этнических общностей не может объясняться только с одной из названных позиций. Этническая история, этническая культура, этническая самоидентификация людей — всё это сложные материи, в основе которых лежит комплекс факторов, и их нельзя рассматривать по степени первичности и вторичности. Я, вслед за Л. М. Дробижевой, считаю, что нужен *комплексный подход* к теме этнического, который не отрицает значимости ни устойчивости этнической истории и традиций, ни роли социализации и самоидентификации человека, ни возможностей интеллектуальных конструктивных воздействий на сферу этнического¹⁰.

Возьмем в качестве условного примера некоего ребенка, рожденного в семье тувинцев, проживающих в наше время в Туве и свободно говорящих на тувинском языке. Ребенок вырастает в среде, где все осознают себя тувинцами, где у него есть большое количество кровных родственников со стороны отца и матери, где говорят на родном языке и придерживаются тех или иных традиций, принятых у тувинцев. И он сам понимает себя как тувинца,

¹⁰ Дробижева Л. М. Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал. 2006. № 3–4. С. 89–101.

тувинский язык становится для него родным, все тувинское — для него родное, он получает знания о том, кто такие тувинцы, какой была история Тувы, когда она стала частью России.

В дальнейшем ребенок вырастает и для получения высшего образования отправляется родителями в другой регион России, а может даже и за границу. Там в иной культурной, этнокультурной среде молодые тувинцы чаще всего утверждают в своих представлениях о себе как тувинцах, жителях Тувы, представителях одной из азиатских этнических культур кочевников. Более того, скажу по своим наблюдениям, именно нахождение их за пределами своей этнокультурной среды часто порождает всплеск чувств молодых патриотов малой родины. Закончивший учебу молодой специалист возвращается в Туву и включается в социальную жизнь, в том числе обзаведясь семьей с тувинкой (процент смешанных браков в республике достаточно мал) и растя с ней детей, воспитывая и обучая их как тувинцев.

В описанной ситуации мы можем наблюдать эту сложную этническую жизнь с разных позиций. С одной стороны, мы видим и определенный элемент конструктивизма, когда ребенка с малых лет воспитывают в убеждении, что он тувинец и что у него есть родственные связи с людьми, с предками, с землей и пр. С другой стороны, тувинец может попасть в ситуацию потенциального выбора в иной этнокультурной среде, но это обстоятельство лишь укрепляет его в самоидентификации тувинца, поскольку этот выбор (тем более сделанный в сознательном состоянии, в совершеннолетнем возрасте) придает ему значимость как в своих глазах, так и в глазах тех, мнение которых для него важнее: родителей, родственников, земляков. И третье: этот единичный пример можно рассматривать как элемент объективной этнической истории тувинцев. Человек входит в культуру, принимает ее ценности как носитель и становится их дальнейшим транслятором, т. е. созидателем. Культура жива, пока живы люди, хранящие, созидющие ее. Несмотря на факторы человеческого конструирования, самоутверждения, т. е. человеческую субъективность, один этот жизненный пример содержит объективную обусловленность, подчиняется объективным закономерностям человеческой истории — тому, что есть устойчивого, имеет регулярные взаимосвязи, имеет свойство развития.

Этот пример приведен для того, чтобы подчеркнуть: понимая тувинцев как представителей тувинской этнической культуры, обращаясь к теме тувинского национального характера, я буду допускать целый ряд факторов, связанных в целом с пониманием тувинцев и тувинского, включая и устойчивость тувинской этнической культуры, и возможности для конструирования ее новых элементов, а также учитывать фактор самоидентификации представителей культуры.

Для обзора и анализа самых интересных описаний, научно-исследовательских работ я опиралась на большое число публикаций. Материалом для моих размышлений также стали и мои беседы с коренными жителями Тувы — тувинцами, поддержка коллег и критика идей, которую они высказывали неизменно благожелательно. Поэтому я хочу выразить свою искреннюю признательность моим коллегам — не только ученым, но и журналистам, политикам, общественным деятелям, а также начинающим исследователям: У. А. Винокуровой, Ю. В. Попкову, В. Ю. Сузукей, А. А. Стороженко, Г. Ф. Балакиной, Н. В. Абаеву, М. М.-Б. Харуновой, Е. К. Карелиной, М. Б. Кунгаа, Н. М. Антуфьевой, А. П. Дамба-Хуураку, С. М. Мунзук, А. И. Чымба, И. К. Дулушу, С. Д. Кара-оол-Дулуш, А. А. Конгу, И. С. Тарбастаевой, и всем, с кем мне пришлось вести беседы и переписку не только непосредственно в период работы над книгой, но и годами ранее, когда мы только поднимали эту тему, т. е. начиная с 2000-х гг.

Особая признательность моим родным — маме А. М. Ламажаа, мужу А. С. Папыну и сыну Сандану Папыну, поддержка которых для меня так много значит.

Глава 1

Тувинцы в фольклоре и национальной литературе

Как представляют тувинский национальный характер сами тувинцы?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам надо сначала обратиться к страницам истории тувинцев, истории Тувы, к выяснению круга источников.

Тувинцы представляют собой очень молодой этнос, его непосредственная история насчитывает чуть более трех веков. Один из ведущих ныне специалистов по этнографии тувинцев М. Х. Маннай-оол пишет, что этническая общность тувинцев сформировалась к XVII — первой половине XVIII в.¹¹ Однако при этом процесс формирования этноса тувинцев был длительным. М. Х. Маннай-оол упоминает о времени сложения первоначальных основ этнической общности тувинцев — VI–XII вв.¹² Именно с VI в. историческая наука смогла фиксировать наличие в регионе племен с самоназваниями *дубо*, *тубо*, *тупо* (от которых и произошло самоназвание «тыва»). Об этом есть записи в летописях Суйской (581–618 гг.) и Танской (618–907 гг.) династий Китая. Племена, как указывалось китайскими источниками, кочевали по этой же территории, где сейчас живут современные тувинцы — в верховьях Енисея и районе озера Хубсугола¹³ (расположенного ныне на территории Монголии, близ государственной границы с Россией, т. е. границы с Тувой).

Таким образом, с учетом сложной этнической предыстории тувинцы, будучи молодым этносом, тем не менее признаются одним из древнейших тюркоязычных этносов, населяющих

¹¹ *Маннай-оол М. Х.* Тувинцы: происхождение и формирование тувинского этноса. Новосибирск: Наука, 2004. С. 129.

¹² Там же. С. 119.

¹³ История Тувы. М.: Наука, 1964. С. 7.

Центральную Азию и Саяно-Алтайское нагорье¹⁴. И действительно, богатство культуры и особенности языка тувинцев таковы, что в них можно увидеть целые исторические слои и огромное наследие предков — древних кочевых племен Центральной Азии.

Для того чтобы «увидеть» представления тувинцев, особенности тувинского национального характера «изнутри», нам необходимы источники из прошлых веков, причем те записи, которые сделаны самими тувинцами. Это отдельная проблема, так как до 1930 г. — времени, когда у тувинцев появилась письменность на основе кириллицы и население стало массово обучаться грамотности, — до этого времени образование получали немногие, т. е. богатые люди и буддийские священнослужители. Письменность бытовала на старомонгольском языке, и то была лишь языком официального делопроизводства, и поэтому доступных источников крайне мало. В основном письменные свидетельства знаний и мыслей тувинцев мы можем получить или опосредованно (в исторических документах, в записях путешественников, работах первых исследователей Тувы), или в зафиксированном устном народном творчестве, в фольклоре.

Здесь возникает еще одна попутная проблема: ученые пишут о самоназвании тувинцев «тыва» как об общем для всех саянских племен в регионе, причем встречающемся еще в XVII в.¹⁵, но тем не менее вплоть до 1930-х гг. сторонние наблюдатели предпочитали называть тувинцев или сойотами, или урянхайцами. Даже в крупном исследовании этнографии тувинцев конца XIX в. известного российского ученого Н. Ф. Катанова речь идет о тувинцах как урянхайцах (работа так и называется «Очерки Урянхайской земли»¹⁶) и сойотах (как синонимах).

¹⁴ *Маннай-оол М.Х.* Тувинцы: происхождение и формирование тувинского этноса. С. 3.

¹⁵ *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 298–299; История Тувы. Изд-е 2, перераб. и доп. / Под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. С. 184.

¹⁶ *Катанов Н. Ф.* Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического общества / Отв. ред. К. А. Бичелдей, подг. А. К. Кужугет. Кызыл, 2011.

Научное издание

Чимиза Кудер-ооловна Ламажаа

Национальный характер тувинцев

Корректор *А. М. Никитина, М. А. Иванова*
Оригинал-макет *А. А. Крыласов*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 9.07.2018. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 15
Тираж 300 экз. Заказ № 1218

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел.: +7 965 048 04 28